

Борис Соколин

*Рождение
и смерть
общества
потребления*

Борис Соколин

**Рождение и смерть
общества потребления**

«Издательские решения»

Соколин Б. М.

Рождение и смерть общества потребления /
Б. М. Соколин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859494-6

Жизнь конечна. Все смертно. Умирают люди, идеи, государства, народы, их создавшие. Все существовавшие ранее цивилизации и государства погибли из-за нерационального поведения и продиктованных им неправильных решений. А сейчас мы живем в обществе, находящемся в состоянии агонии. И никакая реанимация ему не поможет. Почему? Прочтите несколько десятков страниц и поймете.

ISBN 978-5-44-859494-6

© Соколин Б. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Капиталистическая иллюзия	8
Философия и идеология	8
Частная собственность на средства производства	13
Свободная конкуренция и свободное ценообразование	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Рождение и смерть общества потребления

Борис Михайлович Соколин

© Борис Михайлович Соколин, 2017

ISBN 978-5-4485-9494-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

История человечества – это история мифотворчества и догм. Сначала мифологизировались природа и природные явления. Затем появились религиозные догмы. Главное, что требовалось от людей – вера. Между тем, бездумная вера означает духовное рабство.

В первобытном обществе сильные подчиняли себе слабых. Из этого выросло рабовладение. Там физическая сила уравнилась в правах с умственной. Кроме того, появился новый вид – денежная сила.

В феодальном обществе сохраняется в несколько измененном виде обычное рабство и появляется рабство денежное.

При капитализме именно оно и становится основным.

Социализм характеризуется рабством бюрократическим.

И во все времена, во всех общественно-экономических формациях существовало рабство духовное. Человек был зависим от тех догм, которые ему навязывали центры силы общества.

В древние времена такими центрами были аристократы и олигархи, еще раньше – вожди, шаманы и жрецы.

В средние века осталась аристократия и появилась церковь.

Чуть позже к ним добавилась буржуазия, которая к началу XX века вытеснила аристократию, лишив ее реальной власти.

Со второй половины XX века центрами силы стали крупный капитал и бюрократия. Церковь, особенно на Западе, утратила значительную часть своего влияния и стала элементом бюрократии.

Сейчас именно бюрократия – главный игрок. В нее входят менеджеры ТНК, чиновники, церковные иерархи. Она формулирует те догмы, которые человечество должно исповедовать, и предлагает ему ею же подготовленный набор «альтернатив», за рамки которого люди не могут выйти. Я не случайно использовал кавычки. Дело в том, что варианты, которые сегодня предлагаются современными центрами силы, лишь формально отличаются друг от друга, а фактически это ипостаси одного и того же бюрократически-олигархического варианта развития. Именно поэтому бюрократия без особых усилий формирует удобное ей общественное сознание, используя для этого виртуальную экономику и информационные технологии.

Манипулирование информационными потоками, их составом, интенсивностью и направленностью позволяет управлять людьми дистанционно и в мягкой форме, хотя суть от этого не меняется. Личное рабство претерпело несколько трансформаций, от денежного до идеологического. А теперь эра информационного рабства. Информация перестала быть только средством управления людьми – она стала своеобразным наркотиком, заменяющим идеологию и духовность.

Но может быть, не стоит так сильно беспокоиться об этом? Ведь человечество пока еще живет, и все может измениться к лучшему? Увы, все предыдущие трансформации не оказывали существенного влияния на ресурсный потенциал человечества. Ныне же ситуация иная. Современная экономика вовлекает в хозяйственный оборот все новые и новые природные, интеллектуальные и духовные ресурсы человечества. При этом все меньше остается эрудированных и нравственных людей. Это намного страшнее, чем истощение запасов нефти или природного газа. Можно разведать новые месторождения или разработать альтернативные заменители, что, кстати, и происходит. Но создать думающего порядочного человека на основе дискредитировавших себя философских, политических и экономических конструкций невозможно.

Нужно очистить свое сознание от застарелых догм и штампов, взглянуть на прошлое по-новому, идеологически непредвзято, оценить его и понять, куда дальше двигаться.

Бессмысленно это делать, пользуясь старыми методами и терминами. В самом деле, капитализм XIX века не такой, как современный. Советский социализм, в действительности, и вовсе не социализм. Что касается коммунизма, то большинство затрудняется даже с его определением. И, тем не менее, мы продолжаем употреблять эти слова, выстраивать на их смысловой основе логические умозаключения, делать теоретические выкладки и, в конце концов, реализовывать все наработанное на практике. А теперь представим себе на минуту, что смысл, который мы вкладываем, не соответствует реальности. Тогда получается, что на неправильной смысловой основе мы создаем неверные теории, которые с огромными жертвами и ошибками безуспешно претворяем в жизнь.

Необходим интеллектуальный прорыв в будущее. Если в течение ближайших 50 лет мы не освободимся от идеологического груза прошлого и не выработаем новую, некапиталистическую и несоциалистическую, альтернативу, то XXII век может стать последним веком в истории человечества. Причем нынешняя ситуация уникальна тем, что на распутье оказался весь мир, все человечество, а не какая-то одна страна.

Итак, мы начинаем.

Капиталистическая иллюзия

Философия и идеология

Термин берет свое происхождение от латинского *capitalis*, что значит «главный». В политэкономическом смысле капитал – это ресурсы, используемые для производства товаров и услуг, приносящие в итоге прибыль. Экономически капитализм определяется как формация, в которой доминирующую роль играют частная собственность на средства производства и свободная конкуренция. Как правило, под капиталом подразумевают денежные средства. Поэтому коренная суть капитализма – это деньги. Все элементы капиталистической системы рассматривают деньги в нескольких ипостасях, причем такие функции, как мера стоимости и средство расчетов, не являются главными. Деньги при капитализме выступают в качестве смысла существования во всех без исключения областях человеческой жизнедеятельности. Только на начальных стадиях развития капитализма их влияние ограничивается экономикой. Впоследствии они проникают во все остальные сферы, причем именно как цель жизнедеятельности. Человек не рассматривает деньги как средство удовлетворения своих естественных, рациональных, потребностей – они для него цель, достижение которой дает в обществе признание. Вне зависимости от уровня и стадии капиталистического развития элементы этой системы, будь то государство, фирма, человек, стремятся только к деньгам. Просто для каждого уровня, для каждой стадии существует свое количество денег, получив которые в свою собственность, можно рассчитывать на общественное признание.

Главное при капитализме – деньги, и поэтому все остальные его признаки играют второстепенную роль. И свободная конкуренция, и демократия, и даже частная собственность при капитализме – лишь инструменты, позволяющие реализовать главную цель – получить прибыль в денежной форме. Из этого следует, что любые адаптационные трансформации капитализма не могут затронуть денежный интерес. Однако изменения остальных характеристик вполне вероятны. Капитализм может продолжать функционировать только тогда, когда происходит приращение стоимости. И если этому процессу мешают свободная конкуренция и демократические институты, то центры силы капиталистической системы их устраняют. Иначе говоря, в условиях капитализма альтернативы расширяющемуся воспроизводству денег нет.

Так что Маркс был абсолютно прав, определив капитализм как экономическую систему, ориентированную на постоянное и неуклонное извлечение прибавочной стоимости, наращивание ее массы и увеличение ее нормы. Поэтому при капитализме не может быть всеобщего благоденствия. **Стремление всех к максимальному денежному выигрышу не может быть реализовано – всегда будут и проигравшие. Причем по мере нарастания жесткости ресурсных ограничений (особенно в сфере энергопотребления) количество проигравших будет возрастать, а количество выигравших – уменьшаться. Естественно, что рост трудностей приведет к концентрации в руках выигравших большей массы капитала.** Уже сейчас всего лишь 1% богатейших людей планеты имеют в совокупности денег столько же сколько остальные 99% населения планеты. И эта тенденция продолжает усиливаться прямо пропорционально ужесточению ресурсных ограничений. В обществе растет напряженность, что находит свое выражение в его криминализации, росте сектантства, духовной деградации.

Каждая формация отвечает на основной вопрос философии по-своему. Капитализм отвечает исходя из присущего ему религиозного мировоззрения. Любое свое действие центры силы капиталистической системы освящают именем бога, и именно поэтому при капи-

тализме сознание первично по отношению к бытию. Но это формальная сторона дела. Фактически все обстоит намного сложнее.

На начальном этапе своего развития, примерно до середины XIX века, действительно всячески педалировалось обращение к сознательности рабочих масс. При этом у буржуазии была своя, буржуазная, мораль. В то время капиталист извлекал максимально возможную прибыль путем усиления эксплуатации наемного труда. Это означало резкую интенсификацию использования рабочей силы. Тогда особой квалификации от работников не требовалось, и был избыток рабочей силы. Это позволяло капиталистам занижать ее цену до стоимости простого воспроизводства. Следовательно, происходило уменьшение необходимого времени при увеличении прибавочного. Тем самым достигался рост массы прибавочной стоимости и ее нормы.

Чтобы обеспечить терпение и терпимость рабочих, недостаточно было иметь отрицательную (избыток рабочей силы и необходимость скудного пропитания) экономическую мотивацию. Требовалась и духовная, в определенном смысле идеологическая мотивация. Ее обеспечивали религиозные институты. Католицизм, доминировавший долгое время в мире, с самого начала своей деятельности призывал верующих к смирению и терпению. Однако в условиях развития капитализма этого было мало. Не случайно, что возникновению капитализма предшествовали религиозные войны, в результате которых появилось новое вероучение – протестантизм. Его адептов призывали не только к смирению и терпению, но, прежде всего, к рациональности, упорному труду и... богатству. Такой дуализм и стал философской основой раннего капитализма. Оправдание богатства и стремления к нему – вот основные философские постулаты буржуазной морали или, точнее говоря, морали для буржуазии и тех, кто стремился попасть в этот класс. Ну, а привычные смирение и терпение, равно как и терпимость (к чужому богатству, к священной чужой частной собственности) остались для пролетариата и других, менее удачливых социальных групп. Поэтому не будет преувеличением утверждение, что **капитализм вырос не столько из феодальной цеховой экономики, сколько из Реформации, придавшей богатству и бедности осознанный, философский смысл.**

Сознание определяло стремление к богатству, успеху, общественному признанию, а бытие определяло характер и направленность этих устремлений. Наградой удачливым было земное бытие, а утешением неудачникам – сознание бренности земного и перспектива райского неземного небытия.

Победа протестантизма в Англии и Голландии обусловила наиболее быструю капитализацию этих стран. Заселение Северной Америки осуществлялось, в основном, английскими и голландскими протестантами, а также французскими гугенотами. Утилитарное отношение к первичности сознания в Америке только усилилось, выкристаллизовавшись в новую, более совершенную форму ханжества и лицемерия. Для первых американцев религия стала ширмой, прикрывающей их самые неблагоприятные дела в этой земной жизни, а церковь – фирмой, заключив договор с которой, можно рассчитывать на определенные блага в иной, загробной жизни, если она, конечно, есть.

Кстати, любопытно сравнить успехи протестантизма и католицизма на колонизаторском поприще.

В XV – XVI вв. католическая Испания была мировой державой номер один. Однако по мере развития протестантизма ее позиции начали ослабевать. В XVII – XVIII вв. она потеряла многие из своих колоний в борьбе с Англией и Голландией, а в XIX-XX вв. ее владения еще больше сократились в результате экспансии США.

Можно сказать, что вселенское влияние католицизма, начиная с XI века, постоянно и неуклонно уменьшается. Сначала отпочковалось православие, затем возник протестан-

тизм. И последние две религии оказались более успешными в своей экспансии, нежели католицизм.

Здесь необходимо сделать уточнение о капитализме на Востоке. Там были и есть капиталистические страны, но их капитализм не был порождением логики внутреннего развития. Он возник в результате принуждения Запада, которое осуществлялось либо в режиме прямой колонизации, либо посредством мягкого воздействия на правящие режимы. Но даже в этих странах капитализм значительно отличался от, например, английского или американского вариантов. И различия эти обусловлены не экономическими причинами, а философскими.

Дело в том, что с начала 1980-х годов западная экономическая система перешла в высшую фазу своего развития и, поглотив общество и его институты, превратились в интернациональное общество потребления. Акцентация расширяющегося потребления ведет к окончательной деградации сознания. Вследствие этого многие люди не нуждаются в социальных и общественных институтах, одним из которых является Церковь. Уже не нужно заключать договор на загробное обслуживание в потустороннем мире. Нужно что-то иное. В итоге конфессиональная структура общества потребления (бывшего капиталистического, индустриального, постиндустриального) теряет свою многовековую устойчивость. Одни люди фактически и формально становятся атеистами, другие – исповедуют всевозможные культы языческого толка. Кроме того, идет перераспределение между традиционными религиями. Католицизм и протестантизм верующих теряют, а ислам и буддизм – приобретают.

Капитализм, будучи порождением протестантизма и отчасти католицизма, может существовать только при условии сохранения неразрывной связи с ними, обеспечиваемой признанием их ведущей роли абсолютным большинством населения.

На мой взгляд, основной идеологический признак капитализма формулируется так: *от каждого по максимуму его возможностей – каждому в зависимости от его статуса.*

Надо отметить, что данный признак развивался и претерпевал определенные трансформации так же, как и сам капитализм. Сначала ставка делалась на максимальную экстенсификацию, а затем – интенсификацию труда. Капиталистическое общество XIX – начала XX вв. было классовым. Для пролетариата сформулированный нами принцип действовал именно таким образом. Но для капиталистов он действовал в несколько измененном виде, а точнее – в смягченной форме. Во-первых, не всегда требовалось максимизировать свои личные усилия. Во-вторых, сам статус капиталиста давал дополнительные льготы и привилегии, каких не было у рабочего класса. Если же говорить о пролетариате, инженерно-технических работниках, творческой интеллигенции, то первенствовал не абстрактный статус, а профессиональный, который в значительной степени определял и социальный статус. Затем вследствие социализации капитализма (ускоренной под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции), НТР, информационной революции капитализм перешел в стадию т.н. бесклассового общества. Профессиональный статус утратил свое приоритетное значение. В то же время социальный статус также стал менее выраженным. Владельцы рабочей силы превратились из пролетариев, врачей, инженеров, учителей, юристов в средний класс. Резко возросла зависимость социального статуса от размера доходов, которые утратили жесткую зависимость от профессиональной ориентации владельца рабочей силы. Речь идет о том, что информатизация экономики и общества позволила на несколько порядков увеличить мобильность экономической структуры, а значит, и рабочей силы. Поэтому стали возможны ситуации, когда рабочий – наладчик каких-то сложных станков-автоматов может при более низком профессиональном статусе, нежели, например, врач—терапевт, иметь больший доход и, соответствующий социальный статус.

Проявилось еще одно принципиальное, по сравнению с ранним капитализмом, отличие. Владельцы рабочей силы начали становиться и собственниками капитала, т.е. капи-

талистами. Только в США примерно 15% населения владеют акциями, то есть являются де-юре собственниками тех или иных предприятий. Это означает дополнительный источник дохода – дивиденды от находящихся в их собственности акций. Купить акции может любой, располагающий для этого деньгами. Причем многие бумаги стоят недорого, и приобрести их в состоянии даже низкооплачиваемый работник, получающий минимальную почасовую ставку. Однако удельный вес предпринимательского дохода за XX столетие сократился почти вдвое. Сейчас собственник рабочей силы и капитала имеет совокупный доход, в котором зарплата составляет от 75 до 85%, а доход на капитал – всего лишь 15–25%. И тенденция к падению доли дивидендов продолжает усиливаться. Это объясняется тем, что миллионы новых капиталистов являются таковыми лишь формально. Фактически же они концентрируют в своем владении не более 10% совокупной собственности. Остальное принадлежат двум-трем сотням богатейших людей планеты, которые и определяют все без исключения макроэкономические параметры. Именно они, а не миллионы формальных собственников, устанавливают правила игры и извлекают максимальный доход, оставляя абсолютному большинству минимум, но обеспечивая его при этом высокой зарплатой.

Таким образом, влияние капитала не только не ослабело, но еще более усилилось. Да и сам класс капиталистов сохранился, хотя его численность сократилась в несколько раз по сравнению с началом XX века. Но финансовое могущество выросло в десятки раз. Концентрация капитала и капиталистов происходила на фоне размытия границ между другими классами, которые превратились в результате в аморфный и легко управляемый средний класс. Повторяю, что основным критерием попадания в него является только размер дохода, менее зависимый, чем ранее, от профессионального статуса.

В начале 1980-х годов совершилась последняя трансформация капитализма и его основного идеологического признака. **Возникло общество потребления, в котором основной целью каждого человека должно быть потребление, причем не удовлетворяющее те или иные потребности, а расширенное и расширяющееся потребление.** Но материальное производство, ограниченное в своих объемах имеющимся ресурсным потенциалом, не может обеспечить необходимых темпов расширенного потребления. Казалось бы, тупик. Однако выход был найден очень быстро. В десятки раз увеличился масштаб фондового рынка, причем его рост особенно проявился в последнее десятилетие. На рубеже тысячелетий емкость фондового рынка уже составляла порядка 100 трлн. долл.. Сейчас речь идет о квадриллионе долларов, с учетом деривативов. А мировой ВВП едва превысил 70 трлн. долл. – разрыв более чем в 14 раз! На самом деле ситуация еще хуже. Дело в том, что половину ВВП составляет виртуальный сектор. Следовательно, разрыв между реальным обеспечением фондовых ценностей и их массой превышает 1500%. Это самая настоящая пирамида. Впрочем, правильнее говорить о нескольких пирамидах: финансовой, потребления, инвестиционной и т. д.

В 1990-е годы появилось статусное потребление. Это означает, что человек, имеющий определенный должностной статус, должен одеваться в определенных магазинах, ездить на машинах определенных марок, есть в определенных ресторанах. В обществе потребления возникла новая феодальная иерархия, основной принцип построения которой сводится к следующему: должностной статус определяет характер и масштаб потребления. Общество перестало быть надстройкой над экономическим базисом. Оно перестало существовать вне своей экономической системы, а стало ее неотъемлемой и, можно сказать, подчиненной частью.

Я хочу напомнить, что во времена феодализма статус гвардейского офицера или придворного накладывал на его носителя весьма существенные ограничения. Например, русский гвардейский офицер должен был иметь свой выезд. И никого не волновало, есть ли у него на этот выезд деньги. Нет денег – нет и статуса. Но многие переворачивали эту фор-

му. Большинство гвардейцев жило в долг, что рано или поздно кончалось банкротством, отставкой, но какое-то время статус удавалось сохранять. Так и сейчас, западное общество в целом и его члены в отдельности живут в долг, ибо иначе они утратят свой потребительский статус. А его утрата означает стопроцентное банкротство. Поэтому большинство строит долговую пирамиду, лишь бы поддержать и даже поднять свой статус. Новыми кредитами рассчитываются по старым долгам. Затем кредиты берутся вновь. Очевидно, что это не может не закончиться банкротством большинства и всего общества, а раз так, то и самой западной экономической системы – современного воплощения капитализма. Выходит, что основной идеологический признак или принцип капитализма в условиях расширяющейся экономики (а иной капиталистическая экономика быть не может) и сужающихся ресурсных возможностей несостоятелен. Поэтому правомерен вывод и об идеологической (я подчеркиваю это слово) несостоятельности капитализма. К. Маркс, В. Ленин, другие основоположники и теоретики социализма были правы, когда говорили об обреченности капитализма. Они ошиблись лишь в одном: его могильщик – не пролетариат. Капитализм был порожден буржуазией. По мере своего взросления и развития он превратился в высокомонополизированную рыночную экономику, а буржуазия переродилась в крупный капитал. Можно сказать, что в действительности она выродилась. Подходит аналогия с Большим Взрывом. Как и Вселенная, капитализм возник из маленькой точки, а значит, когда-нибудь он в нее вернется, т.е. «схлопнется». Мы присутствуем при последнем акте драмы капиталистического общества. Оно достигло максимума, но стремится его превзойти. Скоро «шар» капитализма взорвется, и человечество имеет все шансы погибнуть.

Частная собственность на средства производства

При капитализме частная собственность является ведущей. Все остальные формы собственности играют подчиненную роль. Впрочем, в конце XX века ситуация с соотношением форм собственности существенно изменилась. На стадии раннего капитализма основным элементом хозяйственной деятельности была частная мануфактура. Государственных предприятий, по крайней мере, в общепринятом смысле, не было. Отсутствовали и коллективные предприятия. Хотя существовали акционерные общества, но с небольшим числом акционеров, которые по статусу фактически являлись совладельцами.

С середины XIX века мануфактуры стали заменяться заводами и фабриками, но отношения собственности не претерпели при этом никаких изменений. По-прежнему большая часть предприятий находилась в частной собственности. Тогда же вследствие первой промышленной революции резко усилилась конкуренция. Отдельным маленьким предприятиям было трудно успешно конкурировать на рынке. Поэтому активизировался процесс концентрации капитала. Расширение заводов и фабрик имеет весьма жесткие пределы. В связи с этим концентрация развивалась не по пути укрупнения отдельных предприятий, а за счет создания их конгломератов. Так, в конце XIX века появились синдикаты, тресты, концерны. Эти организационно-правовые формы отличались лишь степенью жесткости управления интегрированными в их структуры предприятиями и их финансовыми потоками (наиболее жесткой формой был концерн). Концентрация капитала естественным образом вылилась в монополизацию экономики. Основным ее элементом теперь стала частная монополия.

Это создало очень серьезные угрозы национальной безопасности. Правительства вынуждены были реагировать на вызов, брошенный им частными монополиями. Надо отметить, что правительственная бюрократия никогда не выступала против частного бизнеса, но она была обязана учитывать его неспособность обеспечивать самостоятельно, без участия государства, общественную стабильность и социальный мир. Этим и определялись характер и форма государственного вмешательства в экономику. Во-первых, правительства стали сами активно применять монополию. Создавались государственные монополии – как в виде объединений предприятий, так и в форме лицензирования определенных видов деятельности или производства и реализации товаров. Во-вторых, предпринимались меры законодательного регулирования экономической деятельности вообще и монополистической в частности. Уже в начале XX века на частную собственность стали накладываться первые ограничения.

Естественно, что это не только не остановило процесс концентрации капитала, но даже усилило его. В то же время отношения собственности стали претерпевать более существенные, нежели на ранней стадии капитализма, изменения. Появился государственный сектор, причем достаточно влиятельный, т.е. частные компании вынуждены были учитывать в своей хозяйственной деятельности фактор его присутствия на рынке. Увеличилось количество акционерных обществ и число акционеров. При этом несколько демократизировался сам процесс принятия управленческих решений в них. Можно сказать так, что впервые проявилась тенденция демократизации капитала. Но все эти изменения не затрагивали сути капиталистической формации – ведущей формой оставалась частная собственность.

Так продолжалось вплоть до 1933 г. Пришедшие тогда к власти Ф.Рузвельт в США и А. Гитлер в Германии внесли существенные коррективы во взаимоотношения государства и бизнеса. Они учли советский опыт планирования и управления и сделали акцент на государственный капитализм. В Германии эта линия проявилась сильнее, чем в США, и потому она вышла из Великого Кризиса быстрее других капиталистических стран.

Государственный капитализм характеризуется:

- большей регламентацией хозяйственной деятельности частных компаний и отношений собственности;
- регулированием цен по основным товарным позициям;
- главенством интересов государства над частными и, следовательно, большим удельным весом и большей ролью государственной формы собственности.

Ужесточение правил и усиление государственного вмешательства могли быть эффективными только в условиях еще большей концентрации капитала и монополизации экономики. Поэтому многие ограничения на слияние и поглощение были аннулированы. Известно, что договариваться с десятком структурированных монополистов легче, чем с сотней разрозненных собственников. Поэтому было вполне естественным превращение государственного капитализма в государственно-монополистический. При этом влияние частной собственности уменьшалось. Все более ощутимым становился разрыв между формальным признанием ее основополагающей роли при капитализме с фактическим превращением в корпоративную собственность.

Итак, с середины XX века частная стала трансформироваться в корпоративную собственность. Сейчас основу большинства крупнейших состояний составляют не реальные деньги, а пакеты акций. Повышаются котировки акций, входящих в пакет – растет его стоимость, а значит, увеличивается и денежная оценка состояния владельца данного пакета. Но предприятиями управляют, в большинстве своем, не сами собственники, а менеджеры. Они работают за зарплату, компенсационный пакет, бонусы (премии). Им важны не столько интересы частного собственника, сколько корпоративные. При этом нет никакой или почти никакой разницы между мелким и крупным акционером. Теряют или выигрывают (в процентном отношении) они примерно одинаково. Разница возникает только там, где собственник одновременно является и менеджером своего предприятия. Таким образом, к концу XX века частная собственность утратила свои позиции. Появилась ее вариация, сущностно отличная от нее – корпоративная собственность. А государственная трансформировалась в бюрократическую собственность. И в государственных, и в т.н. частных компаниях резко возросла роль менеджмента. Соответственно усилилась оторванность собственников от реального экономического процесса. Только в одном случае страдает частное лицо, а в другом – государство. Но последнее в реальности представлено бюрократией, которая стремится утраченный госконтроль перевести в режим частно-бюрократического контроля. К этому же стремится и частный собственник, т.е. утраченный частный контроль он хочет перевести в форму частно-менеджерского контроля. Менеджер – это частный бюрократ, а бюрократ – это государственный менеджер. Следовательно, мы вправе утверждать, что формально частная и формально государственная формы собственности при капитализме неизбежно трансформируются или вырождаются в бюрократическую форму собственности.

Процесс бюрократизации особенно усилился в последние годы. Капитализм стал обществом потребления, которое может его наращивать только за счет увеличения денежной массы вообще, кредитной в частности и, в первую очередь, фиктивного капитала. Мелкие частные собственники, меряющие бизнес старыми критериями экономической эффективности, сопротивляются столь рискованной политике «жизни в долг». Следовательно, их надо исключить из процесса принятия решений, сделать их влияние формальным, а это достигается только трансформацией частной собственности в корпоративную. Значит, современный капитализм и не капитализм вовсе, – по крайней мере, в его классическом понимании.

Свободная конкуренция и свободное ценообразование

Принципы рыночной свободы считаются ключевыми для капиталистического способа производства. И когда-то, в XVII – XIX вв., это было действительно так. Государство практически не вмешивалось в деятельность частных фирм. Примат частной собственности обеспечивал и обуславливал полную хозяйственную свободу рыночных элементов.

Но уже в середине XIX века рост рабочего движения привел к социализации значительной части общества. Противоречие между трудом и капиталом, владельцами рабочей силы и собственниками предприятий вылилось в масштабные акции протеста. Кроме того, увеличение объемов промышленного производства натолкнулось на недостаточный платежеспособный спрос широких слоев населения.

Поэтому правительства капиталистических стран вынуждены были начать регулирование частного бизнеса. Но государственное вмешательство тогда ограничивалось упорядочением микроэкономической, а не микроэкономической ситуации. Правительственными постановлениями регламентировались продолжительность рабочего дня, правила охраны труда и некоторые механизмы социального обеспечения.

В начале XX века выяснилось, что меры, предпринимаемые государственными органами, явно недостаточны. Социализация общества продолжалась. Резко возросло влияние социалистических и родственных им рабочих партий. Угроза революционных потрясений стала осязаемой. Бизнес же всячески противился регламентации своей деятельности и, кроме того, не считал необходимым установление более справедливых отношений между собственниками капитала и владельцами рабочей силы. К тому же в интеллектуальной среде все большую популярность приобретали идеи планирования. В результате уже к началу Первой мировой войны в Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Японии, Италии и России государственное вмешательство в экономику существенно возросло. Появились специальные плановые инстанции, возникла система государственных заказов. Тем самым впервые правительства стали в достаточно больших масштабах определять объемы выпуска различных видов продукции и их ценовые уровни. Постепенно развивалось планирование и в сфере трудовых отношений. Практически повсеместно началось внедрение тарифных ставок и минимумов заработной платы. В ходе войны планирование раширилось. Наиболее далеко на пути ограничения рыночных свобод продвинулась Германия. Пожалуй, во многом благодаря этому она, несмотря на острейший ресурсный дефицит, смогла четыре года вести войну против мощнейшей коалиции, – и не просто вести, но и побеждать.

После войны масштаб государственного вмешательства в экономику сократился. Однако оно все равно оставалось более значительным, чем в конце XIX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.